Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-12

Скованные одной цепью: национальный популизм и рабочий класс в эпоху глобализации

Андрей Викторович БЕЛИНСКИЙ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),

117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2825-403X

ЦИТИРОВАНИЕ: Белинский А.В. (2021). Скованные одной цепью: национальный популизм и рабочий класс в эпоху глобализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 202–218.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-12

Статья поступила в редакцию 06.04.2021.

АННОТАЦИЯ. Одним из парадоксов нашей богатой на противоречия и крутые перемены эпохи стал союз национальных популистов¹ и части рабочих, еще несколько десятилетий назад являвшихся верными сторонниками левых партий. Именно голоса рабочих обеспечили победу Д. Трампу на президентских выборах 2016 г., а в Европе – взлет таких популистских партий, как «Национальное объединение» (бывший Национальный фронт) и «Австрийская партия свободы». В рамках данной статьи была предпринята попытка проанализировать причины формирования этого альянса, характер взаимоотношений между рабочими и национальными популистами, а также перспективы их даль-

нейшего сотрудничества. В частности, отмечается, что негативные последствия глобализации (делокализация производства, усиление социального неравенства и т.д.), фактический переход социал-демократических и левоцентристских партий на позиции неолиберализма и активное использование социальной риторики «новыми правыми» обеспечили обращение части рабочих к лагерю последних. Однако приходя к власти, популистские партии и политики зачастую проводили реформы, которые в большей степени отвечали интересам бизнеса, чем рядовых избирателей. Вместе с тем делается вывод о том, что альянс между праворадикальными популистскими партиями и рабочими сохранится в бли-

1 В политической науке как на Западе, так и в России ведутся оживленные дискуссии относительно характеристики таких партий и политиков, как «Национальное объединение», «Альтернатива для Германии», Д. Трамп и т.д. Хотя термины «правый популизм» или «праворадикальный популизм» и имеют право на существование, однако они не могут в полной мере описать феномен несистемных партий, которые используют лозунги как правых, так и левых политических сил. Гораздо более логичным нам представляется использование термина «национальный популизм», который в большей степени отражает характер этих партий и движений, а также их надпартийность.

жайшей перспективе. Этому будут способствовать как кризис «старых» левых партий, так и социально-экономические проблемы.

Ключевые слова: *рабочий класс, национальный популизм, Д. Трамп, «Национальное объединение», «Австрийская партия свободы», глобализация.*

Конец привычного мира

Одной из характерных черт западной партийно-политической системы на протяжении многих лет оставался союз левых партий и рабочего класса. Выросшее в середине XIX в. на почве идей социалистов-утопистов, классиков марксизма и английских тред-юнионов левое движение сначала в Западной Европе, а затем в восточноевропейских странах и Российской империи поставило своей основной целью защиту интересов социально угнетенных слоев населения, в первую очередь промышленных рабочих.

Несмотря на постоянные расколы, обусловленные борьбой различных течений внутри социалистических партий, а также попытки со стороны властей подавить потенциальную крамолу в зародыше², левое движение не только не ослабло, но и, наоборот, укрепилось, обретя в лице рабочих прочную электоральную базу и верного союзника. Своего расцвета этот союз достиг в середине прошлого столетия, когда находившиеся у власти социал-демократы и лейбористы смогли претворить в жизнь целый ряд реформ, направленных на улучшение жизни социальных низов общества (см. подробнее: [Перегудов, 1989]).

Однако, просуществовав без малого почти 100 лет и добившись крупных успехов на поприще социального реформизма, этот альянс рабочих и левых партий с конца 1980-х годов стал постепенно приходить в упадок и на сегодняшний день переживает глубокий кризис. Более того, социологические опросы и исследования западных политологов наглядно свидетельствуют о том, что значительная часть рабочих в последние годы регулярно поддерживает несистемные партии и движения. Например, ставшая для многих неожиданностью победа Д. Трампа на президентских выборах США осенью 2016 г. была во многом обеспечена голосами рабочего класса, который прежде поддерживал Демократическую партию. Примерно такую же картину можно наблюдать и в странах Западной Европы, где бывший электорат социал-демократических партий начинает отдавать предпочтение «Национальному объединению» (бывший «Национальный фронт»), «Австрийской партии свободы» и «Альтернативе для Германии».

Происходящие изменения в общественно-политической жизни США и Западной Европы ставят перед исследователями целый ряд вопросов. Почему взаимоотношения между социал-демократическими и левоцентристскими партиями, с одной стороны, и индустриальными рабочими – с другой, претерпели столь кардинальные изменения за достаточно короткое по историческим меркам время? Какие факторы обусловили переход значительной части рабочих в лагерь национальных популистов? И, наконец, насколько прочной в среднесрочной перспективе может оказаться эта на первый взгляд

2 Наиболее ярким примером является принятый с подачи канцлера О. фон Бисмарка «закон о социалистах» 1878–1890 гг., направленный на то, чтобы не допустить прихода социал-демократической партии в большую политику. Однако, как и в случае с католической церковью, все запретительные меры «железного канцлера» оказались в конечном счете безрезультатными.

парадоксальная коалиция? В рамках данной статьи была предпринята попытка ответить на эти вопросы, проанализировав социально-экономические, политические и культурные изменения, которые произошли в западном мире в последние 30 лет.

Глобализация и кризис индустриальных центров Запада

Первые кризисные явления в отношении между рабочими и левыми партиями наметились в середине 1980-х – начале 1990-х годов, когда все заговорили о новом явлении в мировой экономике – глобализации. Связав воедино тысячу нитей страны и целые континенты, она по своему масштабу и последствиям стала мировой революцией, хотя и совсем не той, о которой мечтали марксисты конца XIX – начала XX в.

Формирование единой мировой экономической системы, в которой происходило свободное перемещение товаров, услуг и рабочей силы, по мнению политической элиты западных стран и ее экономических советников неоллиберальной школы, должно было решить большинство всех проблем и обеспечить устойчивый экономический рост³.

Однако, вопреки первоначальным прогнозам, глобализация привела к разделению общества стран первого мира на тех, кто выиграл от открытия рынков и технологических изменений, и тех, кто не сумел приспособиться к новым условиям и в конечном счете оказался в лагере проигравших. Как отмечает известный экономист Т. Пикетти в своем фундаментальном исследовании «Капитал в XXI веке», за последние 30 лет доходы представителей выс-

ших слоев общества увеличились, в то время как у среднего класса и низов они либо стагнировали, либо даже сокращались. «Начиная с 1970–1980-х годов мы наблюдаем беспрецедентный рост неравенства в доходах в Соединенных Штатах. Доля верхней децили постепенно увеличилась с 30–35% национального дохода в 1970-е годы до 45–50% в 2000–2010-е годы, т.е. примерно на 15 пунктов национального дохода страны» [Пикетти, 2015, с. 292].

Вынос производства в развивающиеся страны, обусловленный стремлением предприятий получить сверхприбыли при минимальных капиталовложениях, на практике обернулся сокращением рабочих мест в индустрии. Морис Алле, французский экономист и лауреат Нобелевской премии, так оценил последствия этих процессов: «С 1980 по 2007 г. французская промышленность утратила 1913,5 тысяч рабочих мест (с 5327,4 до 3414 тысяч, что означает 36%-ное сокращение общей рабочей силы. Наибольшая часть потерь пришлось на промышленность (96%)» [Ле Пен, 2016а, с. 55]. Особенно сильно пострадали старые индустриальные центры Севера и Северо-Востока с их металлургической, текстильной промышленностью и добычей угля, которые оказались не в состоянии дать бой конкурентам из Шанхая и Нью-Дели. Следствием этого стал стремительный рост безработицы в регионе, которая на сегодняшний день в некоторых городах и коммунах может достигать порядка 20%.

Лидер «Национального объединения» (бывш. «Национальный фронт») М. Ле Пен, которая в ходе своих предвыборных кампаний неоднократно посещала Северо-Восточную Францию, так описала атмосферу безысходности, ца-

3 Эту идею еще в XVIII в. высказали экономисты Д. Рикардо и А. Смит, которые утверждали, что только свободная торговля и минимальное вмешательство государства способствуют обогащению стран.

рившую в небольших промышленных городках и поселках. «Этот департамент (Нор-Па-Де-Кале. – А. Б.) с лихвой хлебнул горя: развал системы школьного образования: алкоголизм, безработица, ожирение, нищета, делокализация производств... Сотни маленьких домиков опустели, а прежде видели, как мужчины возвращались из шахт» [*Ле Пен*, 2016б, с. 189–190]. Однако даже если списать резкость ее слов на стремление возложить всю ответственность на политических оппонентов, то данные подготовленного Фондом Фридриха Эберта доклада «Неравная Франция» не оставляют сомнений относительно истинного положения дел. Именно в крупных городах Франции (Париж, Тулон, Лион, Ницца) сосредоточено больше всего выпускников высших учебных заведений, лучше развита система здравоохранения, а население располагает более высоким уровнем дохода [*Le Bras, Warnant*, 2020, S. 7–10].

Чуть лучше выглядело положение дел в соседней ФРГ, экономика которой хотя и сумела занять на глобальных рынках свое «место под солнцем», однако была вынуждена заплатить за это высокую цену. По данным авторитетного гамбургского еженедельника *Der Spiegel*, число занятых в текстильной промышленности ФРГ сократилось с 274,5 тыс. в 1991 г. до 94 тыс. (–65,6%) в 2004 г., в строительстве – с 1,9 млн до 778 тыс. (–58%), в металлургии – с 476 тыс. до 250 тыс. (–47,5%), в машиностроении – с 1,6 млн до 947 тыс. (–39,1) [*Hawranek, Horning, Jung*, 2004, S. 96–97].

Негативные последствия глобализации затронули и крупнейшую индустриальную державу западного мира, Соединенные Штаты, которым также пришлось столкнуться с делокализацией

производства, равно как и серьезной конкуренцией со стороны Китая и точноазиатских «тигров». За последние три десятилетия американская промышленность потеряла несколько миллионов рабочих мест. «В 1970-х годах в американской обрабатывающей промышленности было занято 25,9% совокупной рабочей силы, в 1990 г. этот показатель составил 17,5%, в 2013–14,2%» [*Лапина*, 2020, с. 42]. Как и в Старом Свете, глобализация в Соединенных Штатах привела к разделению общества на «победителей» и «проигравших», в числе которых оказалась и часть промышленных рабочих.

Социолог А. Рассел Хохшильд задалась вопросом, почему миллионы обычных американцев отдали свои голоса на президентских выборах 2016 г. строителю магнату Д. Трампу. С этой целью она посетила Луизиану, один из штатов Глубокого Юга и одновременно форпост американских правых⁴. Из бесчисленных разговоров с фермерами и рыбаками, полицейскими и гражданскими активистами она составила достаточно неприглядную картину забытой американской глубинки.

Еще в 1980-е годы в штате остро встала проблема загрязнения Мексиканского залива и местных рек нефтяными компаниями, которая приобрела не только экологическое звучание, но и стала вопросом фактического выживания для многих семей, связанных с добычей или переработкой рыбы. Призывы местных властей ограничить вылов натолкнулись сначала на глухой ропот недовольства, который перерос в активные протесты. «На кону стояла основа существования многих жителей. В цепочке от рыболовной сети до тарелки – рыбаки, продовольственные магазины, экспедиторы, персонал ре-

4 На президентских выборах 2020 г. Д. Трамп получил в Луизиане 58,50%.

сторон – все были в ярости на местные власти. Государство стало убийцей работы, поскольку многие рабочие места оказались под угрозой существования» [Russel Hochschild, 2017, S. 55]. Попытки местных жителей и экоактивистов обратить внимание чиновников на проблему остались безрезультатными.

Этот всего лишь один из многочисленных примеров из книги А. Рассел Хохшильд, который наглядно показывает, что в конфликте труда и крупного капитала местные и федеральные власти зачастую предпочитали занимать сторону последнего, руководствуясь старым принципом «что хорошо для бизнеса, то хорошо и для Америки».

Как мы видим, глобализация оказалась дорогой с двусторонним движением, где одни сумели увеличить свое благосостояние, другие же, наоборот, теряли работу и социальный статус⁵. Недовольство своим социально-экономическим положением должно было рано или поздно отразиться на политических настроениях этих социальных групп. К тому же традиционные социал-демократические и левоцентристские партии, как мы увидим в дальнейшем, отказались от своей традиционной роли защитников рабочего класса и социальных низов.

Кризис социал-демократии

Охватившие мир изменения коснулись не только экономики и социальной структуры, но и большой политики, и в первую очередь левых пар-

тий Западной Европы и США. Прокатившаяся по странам Восточной Европы волна «бархатных революций» и последовавший за ней распад СССР самым негативным образом сказались на положении коммунистических партий Старого Света. С одной стороны, крушение соцлагеря повлекло за собой дискредитацию социалистических идей, которые победители в «холодной войне» поспешили объявить историческим пережитком⁶. С другой стороны, лишенные финансовой и политической поддержки со стороны Москвы французская и итальянская компартии стали стремительно приходить в упадок. Пережив ряд болезненных кризисов, расколов и неудачных попыток встроиться в политический мейнстрим путем смены программы крайне левые партии и организации либо сошли с политической сцены, либо маргинализировались.

Положение западноевропейских социал-демократов, которые хотя формально и сохраняли свои позиции, а в некоторых странах даже находились у власти (Франция, Германия, Великобритания), выглядело лучше. Однако тот идеологический багаж, с которым наследники Ф. Лассалья, В. Брандта и Б. Крайского подошли к началу нового тысячелетия, имел мало общего с классическими принципами социал-демократии.

Это хорошо видно из текста декларации «Третий путь / Новая середина», опубликованной в 1999 г. английским премьер-министром Т. Блэром (Лейбористская партия) и немецким канцлером Г. Шрёдером (СДПГ). Не уступающая по своему значению трудам

⁵ При этом было бы упрощением говорить о том, что в выигрыше от глобализации остались исключительно высшие слои. В действительности она поделила все слои населения на победителей и проигравших.

⁶ Не случайно именно в начале 1990-х годов на свет появилась концепция Ф. Фукуямы о конце истории и всемирной победе либерализма.

Бернштейна и Годесбергской программе СДПГ 1959 г.⁷, она должна была стать стратегией социал-демократов и умеренных левых в XXI столетии.

Несмотря на то что в документе и говорилось о значимости исторического наследия, однако вместе с тем указывалось и на необходимость обновления философии социал-демократии в соответствии с духом времени. «Хотя обе партии могут по праву гордиться своими историческими достижениями, сегодня мы должны реалистично и практично ответить на вызовы времени, стоящие перед нашими обществами и экономиками. Это требует от нас не только приверженности нашим ценностям, но и готовности изменить устаревшие подходы и традиционные политические инструменты» [Блэр, Шрёдер, 1999, с. 2], – отмечалось в декларации.

Готовность к переменам должна была, по мнению лидеров британских и немецких социал-демократов, проявляться в переосмыслении ряда базовых постулатов.

- *Социальная справедливость.* Признавая необходимость защиты социально незащищенных слоев населения, авторы декларации в то же время отмечали необходимость развития личной инициативы (поддержка малого и среднего бизнеса, а также различных форм кооперации) и борьбы с социальным иждивенчеством. «Важные для граждан ценности – личные достижения и успех, дух предпринимательства, индивидуальная ответственность и дух сообщества – слишком часто страдали от погони за всеобщими социальными гарантиями» [Блэр, Шрёдер, 1999].

- *Роль государства.* Логичным продолжением первого тезиса декларации Блэра – Шрёдера было сокращение роли государства, которое должно было сосредоточиться на выполнении наиболее важных функций (обеспечение внутренней и внешней безопасности, дипломатия), отдав экономику на откуп рынку.
- *Реформа рынка труда.* Начавшийся с начала 1990-х годов стремительный рост безработицы во многих странах Западной Европы и США, который был обусловлен не только спадом экономики, но и децентрализацией производства, стал для значительной части истеблишмента своего рода «моментом истины». Масштабность проблемы и неэффективность традиционных методов борьбы с безработицей убедили политическую элиту западных стран в необходимости радикальной реформы рынка труда, который должен был соответствовать требованиям времени. «Пожизненный найм ушел в прошлое. Социал-демократы должны проводить более гибкую политику, но в то же время сохранить минимальные социальные стандарты, помочь людям справиться с изменениями, открыть новые возможности для отстающих» [Блэр, Шрёдер, 1999, с. 3].

Декларация Блэра – Шрёдера получила широкую поддержку среди представителей левоцентристских сил в Европе. Что касается Соединенных Штатов, то еще в начале 1990-х годов президент Б. Клинтон выдвинул концепцию

7 Принятая в 1959 г. в пригороде Бонна Бад-Годесберге новая программа СДПГ предполагала признание концепции социального рыночного хозяйства и членства ФРГ в НАТО. Фактически она означала окончательный отказ социал-демократов от марксизма и их превращение в левоцентристскую народную партию.

«Новых демократов», основные идеи которой были раскрыты в подготовленной Институтом прогрессивной политики (*Progressive Policy Institute* (англ.)) книге «Мандат для изменения». «Американцы... перестали верить, что “папацей” от нынешних проблем может являться сильное центральное правительство. В то же время они не разделяют тезис консерваторов о том, что именно правительство является источником проблем, а его демонтаж – их решением. Америка нуждается в третьем выборе, который придет на смену рефлексивно защищаемому левыми бюрократическому статус-кво и одновременно будет купировать требования правых демонтировать правительство» [Basham, 2000, pp. 14–15].

Хотя молодые лидеры социал-демократов всячески рекламировали «третий путь» как единственную возможность пройти между Сциллой уже изрядно обветшавшего «государства всеобщего благоденствия» и Харибдой неолиберализма, de facto он означал поворот социал-демократии вправо с последующим принятием ряда программных положений консервативных оппонентов⁸ и разрывом с традиционным электоратом.

Наглядной иллюстрацией этого процесса могут служить реформы «красно-зеленой» коалиции в ФРГ в период канцлерства Г. Шрёдера (1998–2005). Пришедшие под флагом модернизации экономики и борьбы с безработицей СДПГ и «Союз 90 / Зеленые» начали радикальную ревизию всей системы экономических и социальных отношений, которая досталось им по наследству от Боннской республики. Принятая в 2003 г. широкомасштабная програм-

ма *Agenda 2010* предусматривала либерализацию рынка труда, расширение системы краткосрочных трудовых отношений, упрощающей найм и увольнение рабочей силы.

Однако уже на этапе подготовки реформа натолкнулась на сопротивление как со стороны левого крыла СДПГ, так и профсоюзов, справедливо увидевших в планах правительства попытку принести права и завоевания рабочих в жертву интересам рынка. «Профсоюзы грозили начать широкомасштабную кампанию против нашей политики – и даже порвать все связи с СДПГ. На это я ответил, что детали можно обсудить, но общее направление реформ останется неизменным. Таким образом, мы оказались у последней черты. Свою кампанию протеста против *Agenda 2010* организовали члены фракции СДПГ. Они разместили в интернете воззвание “Партия – это мы! И объявили, что будут три месяца собирать подписи в свою поддержку”» [Шрёдер, 2007, с. 394–395], – писал впоследствии экс-канцлер Г. Шрёдер.

И хотя реформа рынка труда была все же проведена в жизнь, СДПГ пришлось заплатить за это слишком высокую цену, которая сделала победу главы правительства над оппонентами «пирровой». Сумев избежать разгромного поражения на выборах в 2005 г. и остаться у власти (пусть и в качестве младшего партнера), немецкие социал-демократы тем не менее столкнулись с массовым оттоком своего электората. Если в 1998 г. СДПГ насчитывала около 775 036 членов, то к 2019 г. эта цифра сократилась до 405 816 (!)⁹.

Аналогичные процессы происходили в Соединенных Штатах, где сдвиг Демо-

8 Не случайно М. Тэтчер, отвечая на вопрос журналистов о том, что является ее главным достижением, сказала: «Тони Блэр».
9 Niedermayer O. (2020). Mitgliederentwicklung der Parteien // Bundeszentrale für politische Bildung, September 18, 2020 // <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/zahlen-und-fakten/138672/mitgliederentwicklung>, дата обращения 14.02.2021.

кратической партии в начале 1990-х годов вправо привел к глубокому кризису во взаимоотношениях с профсоюзами. «Сегодня электорат Демократической партии почти не включает в себя простых людей: она стала партией левых “прогрессистов”. Иначе говоря, она выступает против традиционной семьи и трудящихся, поддерживает глобализацию»¹⁰, – заявил в интервью *Le Figaro* идеолог Д. Трампа С. Бэннон, чья семья на протяжении многих лет являлась преданным сторонниками демократов.

На наш взгляд, столь радикальная трансформация социал-демократии была обусловлена причинами как социально-экономического и политического, так и мировоззренческого характера. Кризис государства всеобщего благоденствия, глобализация, повлекшая за собой вынос целых отраслей промышленности, и трансформация мировой экономики наглядно показали, что экономическая модель времен «славного тридцатилетия» с ее государственным дирижизмом, сильным средним классом и гарантированной занятостью безвозвратно ушла в прошлое. В этих условиях пришедшие к власти в 1990-е годы молодые лидеры левоцентристских сил отчетливо осознавали бесперспективность стратегии пассивной обороны и предпочли адаптироваться к новой реальности. «Как и тогда, в момент объединения Германии, произошла смена политических фронтов. В то время как консерваторы ввиду вызовов и шансов отказались от своей обычно успешной политики “Так держать”, часть политических реформаторских сил, более известных как “левые”, в начале настоящей революции под названием глобализация угрожает позаимствовать эту консервативную политику в тот момент, когда она уста-

рела. Это не только историческая абсурдность, но и с исторической точки зрения ясная и оборонительная стратегия поражения», – написал лидер «зеленых» Й. Фишер в своей программной книге «За новый общественный договор. Политический ответ на глобальную революцию» [Fischer, 1998, S. 10].

Во-вторых, переход к новому типу экономики неизбежно повлек за собой и изменение социального ландшафта, что нашло выражение в сокращении численности рабочего класса и появление новых социальных групп и страт. Именно к ним и апеллировали «новые» социал-демократы, стремившиеся максимально расширить свою социальную базу. Не случайно для концепции реформ Г. Шрёдера было выбрано название «Новая середина» (*Neue Mitte* (нем.)), которое должно было подчеркнуть связь СДПГ с новым средним классом.

И, наконец, необходимо принимать во внимание особенности мировоззрения новой когорты лидеров социал-демократов, которое кардинально отличалось от их предшественников. Будучи по большей части либо бывшими участниками студенческих протестов 1968 г. (Й. Фишер), антивоенных демонстраций (Б. Клинтон) или выходцами из благополучных буржуазных семей (Т. Блэр), они изначально были мало связаны с рабочим классом, его чаяниями, интересами и проблемами. Приверженность левым идеям у этого поколения политиков носила скорее культурный (борьба против дискриминации различных групп, расизма, консервативной общественной морали), нежели экономический характер, что принципиально отличало их от политиков типа В. Брандта или Б. Крайского. К тому же многие из них полага-

10 Стив Бэннон: «Людей, которые жили по правилам всю жизнь, выбросили на помойку» (*Le Figaro*, Франция) (2019) // ИНОСМИ.РУ. 17 апреля 2019 // <https://inosmi.ru/politic/20190417/244958605.html>, дата обращения 10.03.2021.

ли, что рабочий класс к середине XX в. «обуржуазился» и утратил свою прогрессивную роль¹¹. Это обстоятельство, безусловно, сыграло свою роль в будущем при формировании новой стратегии социал-демократии.

Таким образом, к концу 1990-х – середине 2000-х годов вследствие глобализации и политики неолиберализма положение части рабочего класса ухудшилось, а сдвиг вправо социал-демократов и левоцентристов лишил его своих традиционных защитников. Однако этот образовавшийся политический вакуум стал быстро заполняться силами, которые до недавнего времени считались противниками рабочего движения.

«Быть социальным, но не красным»¹². Как правый популизм завоевывает сердца рабочего класса

Какие же факторы в конечном счете привели к тому, что часть рабочего класса поддержала национальных популистов? На наш взгляд, ответ на данный вопрос кроется как в тактике последних, так и в особенностях мировоззрения рабочего класса.

Еще в 1990-х годах, а в особенности с середины 2000-х годов национальные популисты Западной Европы и Америки стали уделять все большее внимание рабочим и ремесленникам, которые по-прежнему представляли существенный электоральный ресурс. Если обратиться к программным документам «Австрийской партии свободы» или «Национального объединения», то можно достаточно легко проследить

их эволюцию в социально-экономических вопросах. Изначально находясь на позициях классического экономического либерализма с его теорией минимального государства и поддержкой предпринимательства, популистские партии стали постепенно позиционировать себя в качестве «социальной совести» нации и защитников низов общества.

Та же АПС, выступавшая еще в начале 2000-х годов с требованиями, характерными скорее для либеральных партий (сокращение налогового бремени, приватизация государственных предприятий, поддержка бизнеса и т.д.), в последние годы включила в свою повестку социальные требования, призванные укрепить ее имидж в глазах рядовых граждан, и прежде всего австрийских рабочих. В предвыборной программе партии 2017 г. одной из главных целей наряду с борьбой против нелегальной иммиграции и сохранением национального суверенитета от брюссельской бюрократии провозглашалось восстановление социальной справедливости. «Австрийская партия свободы выступает за социальное государство, которое ясно и четко ставит на первый план собственных граждан» [Österreichischer verdienen Fairness, 2017, S. 15].

Лозунги социальной справедливости активно использовала и нидерландская «Партия свободы» во главе с бесменным лидером и по совместительству формально единственным членом Г. Вилдерсом. «Еще в бытность депутатом парламента от “Народной партии свободы” Герт Вилдерс сильно критиковал „государство всеобщего благоденствия“ и корпоративную систему и призывал к их сокращению. Напротив, партийная программа “Партии свобо-

11 Весьма примечательна и дальнейшая биография лидеров левоцентристских партий после завершения политической карьеры. Г. Шредер, который еще вошел в совет директоров «Роснефти», Т. Блэр и Й. Фишер работали консультантами ряда крупных фирм.

12 Один из предвыборных лозунгов «Альтернативы для Германии».

ды” 2012 г. требовала защиты „государства всеобщего благоденствия“ ради „социальных Нидерландов“. Партия выступала за выделение дополнительных инвестиций и отказ от сокращения расходов на систему по обеспечению по старости (“ради пожилых людей, которые создали нашу страну”)» [*Erben, Bieling*, 2020, S. 165].

Однако можно ли говорить о том, что исключительно социальная риторика обеспечила переход значительной части рабочих в лагерь национальных популистов? Думается, что это было бы некоторым упрощением ситуации, поскольку упускало бы из виду несколько факторов, крайне важных для понимания того, почему традиционный электорат социалистов и коммунистов сегодня предпочитает отдавать свой голос политикам вроде Й. Хайдера или М. Ле Пен.

В первую очередь нужно принимать во внимание то обстоятельство, что понимание левой идеи большинством рабочих второй половины – конца XX столетия существенным образом отличалось от мировоззрения партийных активистов или левых интеллектуалов. Если для последних быть левым в первую очередь означало выступать против действующей системы (коммунисты) или добиваться ее реформирования (социал-демократы), бороться с социальными и расовыми предрассудками в обществе или сочувствовать антиколониальной борьбе народов Алжира и Вьетнама, безусловно заботясь и об интересах своего электората, то для вынужденного работать 1–2 смены на фабрике рабочего на первом месте стояли повышение заработной платы, улучшение жилищных условий и благоустройство родного квартала. Этот контраст между миром

левых интеллектуалов и рабочих на микроуровне описал французский писатель и философ Дидье Эрибон в своей автобиографической книге «Возвращение в Реймс», которая рисует сложную и противоречивую картину жизни французской глубинки 1960–1980-х годов: «Когда я зачитывался Марксом и Троцким, я причислял себя к авангарду. [...] Труды Сартра также приводили меня в восторг, рабочий класс, который в реальности окружал меня и который ограничивал мой горизонт, напротив, ужасал меня. С помощью Маркса и Сартра я мог ускользнуть из этого мира, мира моих родителей. [...] Отношение к политике также разделяло нас: Он (отец. – А. Б.) вообще не интересовался этим, в то время как я начинал разглагольствовать о “классовой борьбе”, “перманентной революции” и “пролетарском интернационализме”»¹³ [*Eribon*, 2016, S. 56–57, 70].

Как мы видим, патерналистски настроенный рабочий класс видел левых в качестве своих защитников ровно до тех пор, пока они артикулировали его интересы. Переход же социал-демократов на позиции «новый середины» и «третьего пути», а также отказ от своей классической программы привели к тому, что они перестали восприниматься в качестве таковых, а их место заняли национальные популисты, обещавшие покончить с всевластием финансового капитала и коррумпированной элиты.

К этому обстоятельству добавился и хорошо описанный многими западными социологами и политологами кризис «классового» голосования, при котором социальное происхождение имело решающее значение при выборе той или иной партии. Люк Рубан, ведущий сотрудник Центра изучения француз-

¹³ Как пишет в своей книге Д. Эрибон, основным стремлением выходцев из рабочей среды было улучшение своего материального состояния. «Где это было возможно, они покупали – сумма кредитов, которые они брали, росла и росла – все товары своей мечты. Подержанный автомобиль, новый автомобиль, телевизор, мебель из каталога [...]» [*Eribon*, 2016, p. 55].

Таблица. Поддержка рабочими правопопулистских партий и движений на выборах
Table. Workers' support for right-wing populist parties and movements in the elections

Выборы	Партия / кандидат	Доля рабочих, отдавших голоса за праворадикальных популистов
Президентские выборы в США в 2016 г.	Д. Трамп	62%*
Президентские выборы во Франции в 2017 г.	М. Ле Пен	51%**
Выборы в бундестаг в 2017 г.	«Альтернатива для Германии»	21%***
Парламентские выборы в Австрии	«Австрийская партия свободы»	59%****
Парламентские выборы в Нидерландах	«Партия свободы»	...

* В данном случае речь идет о доле белого рабочего класса, проголосовавшего в 2016 г. за Д. Трампа [Carnes, Lupu, 2021, p. 60].

** [Rouban, 2019, p. 231].

*** Wer sind die Wähler der AfD? (2017) // Stuttgarter Zeitung, September 25, 2017 // <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt/bundestagswahl-wer-sind-die-waehler-der-afd.2129b58c-f455-4c65-80d1-6c40a13e436d.html>, дата обращения 11.02.2021.

**** [Wahlanalyse Nationalratswahl, 2017, S. 5].

***** Точных данных о количестве голосов, набранных «Партией свободы» на выборах 2017 г. среди рабочих, автору найти не удалось. Однако, как указывают политологи А. Краузе и М. Вилп, основной электорат «Партии свободы» составляют люди со средним образованием и невысоким уровнем дохода [Krause, Wilp, 2018, p. 176].

ской политической жизни CEVIPOF, анализировавший президентские выборы во Франции 2017 г. и электоральное поведение рабочих, пришел к выводу, что классовое голосование ушло в прошлое [Rouban, 2019, p. 220]. И действительно, социологические опросы все больше свидетельствуют о том, что классовая солидарность стала постепенно уступать место национальной или локальной идентичности, культурным и личным предпочтениям.

И, наконец, третьей причиной, обусловившей успех национальных популистов, стали достаточно распространенные в рабочей среде бытовая ксенофобия и расизм. Все тот же Д. Эрибон, чье детство и юность прошли в рабочей среде Шампани, очень подробно описывал этот феномен: «Если бы из тех разговоров, которые велись в нашей голосовавшей за левых семье, можно было составить политическую программу, то она была бы достаточно приближена к манифестам правых экстремистов: требования депортации ми-

грантов, преимущественное право для коренных французов на получение рабочих мест и социальное обеспечение, ужесточение уголовного права и наказания, сохранение и расширение практики смертной казни, возможность закончить школу в 14 лет и т.д. Глубоко укоренившийся расизм, ставший одной из доминантных черт белого рабочего класса и социальных низов, сделал возможным или по меньшей мере создал благоприятные предпосылки для завоевания бывшего электората коммунистов (или молодых избирателей, отдавших свой голос НФ, – очевидно, детям рабочих было проще систематически голосовать за правых) «Национальным Фронтом»» [Eribon, 2016, S. 92].

Ксенофобские и антииммигрантские настроения среди части рабочих Западной Европы и США были обусловлены двумя факторами. С одной стороны, децентрализация производства, усиление конкуренции на мировых рынках вкупе с неудовлетворенностью своим материальным положением порождали страхи

перед мигрантами, которые воспринимались как потенциальные конкуренты в борьбе за рабочие места и социальную помощь государства. «У них (рабочих. – А. Б.) возникает впечатление, – отмечает социолог Клаус Дёрре, – что нет денег ни на что. Больница закрывается, автобус больше не приезжает, сельские общины оказались в подвешенном состоянии. В ходе кризиса евро они обнаружили, что деньги есть для банков. Во время миграционного кризиса осени 2015 г. и последовавших за ним событиями они увидели, что деньги есть для мигрантов. Отсюда возникает чувство обиды и отверженности, которую они считают несправедливой»¹⁴. К этому чувству страха за свое материальное положение примешивались неприятие чужеродной культуры и опасение утратить национальную идентичность.

Играя на страхах перед наплывом мигрантов и потерей работы, умело увязывая лозунги социальной справедливости и защиты «маленького человека» с необходимостью сохранения национальной идентичности и культуры, «новые правые» стали постепенно прибирать к рукам электорат левых партий¹⁵.

Друзья народа и слуги капитала. Взаимоотношения праворадикального популизма и рабочих

Неменьший интерес для нашего исследования представляет и вопрос о характере взаимоотношений между национальными популистами и рабочими, которые в свою очередь включают три составляющие: 1) степень представи-

тельства и влияния рабочего класса внутри правопопулистских партий, 2) характер социально-экономической политики «новых правых», 3) перспективы дальнейшего сотрудничества.

Если внимательно проанализировать руководящий состав или депутатский корпус «Альтернативы для Германии» или «Австрийской партии свободы», то мы обнаружим, что выразители интересов рабочих либо отсутствуют, либо представлены в крайне незначительном количестве. В последней абсолютно преобладали члены буршеншафтов, студенческих корпораций, известных в Австрии своими националистическими взглядами и фактически являющихся передаточным механизмом между партией и крупным бизнесом. Несколько сложнее обстояла ситуация в правительстве Д. Трампа, в котором хотя и присутствовали министры, так или иначе связанные с крупным бизнесом, но также были сторонники «левого поворота» и восстановления американской промышленности (С. Мнучин. П. Наварро, Л. Кадлоу).

Чтобы оценить направленность социально-экономической политики национальных популистов, нам необходимо изучить их конкретные шаги на внутриполитической арене. Именно поэтому представляется вполне логичным обратиться к анализу внутренней политики Д. Трампа и «Австрийской партии свободы», которые являют собой не только наглядный пример нахождения несистемных сил у власти, но и представляют две разновидности популизма: американскую и европейскую.

Даже беглый анализ социально-экономической политики показывает, что в

14 „Die AfD macht die Unsichtbaren sichtbar“ (2020) // Der Tagesspiegel, Dezember 5, 2020 // <https://www.tagesspiegel.de/politik/arbeiter-und-die-radikale-rechte-die-afd-macht-die-unsichtbaren-sichtbar/26687036.html>, дата обращения 17.02.2021.

15 Книга Д. Трампа «Былое величие Америки» представляет наглядный пример того, как праворадикальные популисты увязывают социальные проблемы с миграцией. «У нас 25 миллионов граждан, нуждающихся в работе, и 7 миллионов незаконных мигрантов, занимающих рабочие места в Америке. Если бы незаконно находящиеся в США иностранцы не занимали эти рабочие места, то их бы заняли американские граждане, потому что они должны быть заняты» [Трам, 2017, с. 176].

обеих странах преференции, безусловно, отдавались национальному бизнесу, который рассматривался как локомотив экономики и создатель рабочих мест. «Избавить наши предприятия от бюрократических и финансовых притеснений. В особенности это касается малых и средних предприятий, а также промышленности в целом, которые создают и обеспечивают рабочие места в Австрии» [Österreicher verdienen Fairness, 2017, S. 44], – отмечалось в программе «Австрийской партии свободы». Именно интересы бизнеса преследовали такие меры, как сокращение налогов и предоставление ряда льгот крупным предприятиям. Однако между социально-экономической политикой американского миллиардера, вознесенного рабочим классом в президентское кресло, и его австрийскими единомышленниками (а также «примкнувшими» к ним популистами из других европейских стран) существует ряд серьезных различий. Внимательное изучение принятых при участии АПС законов наглядно свидетельствует о том, что конкретные шаги партии в этой сфере были подчинены логике неолиберальной доктрины и зачастую шли вразрез с интересами ее электората.

Возможность установления 12-часового рабочего дня¹⁶, сокращение социальных пособий и выплат, предложение об отказе от обязательного членства в профсоюзах и поддержка Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения ЕС с Канадой (СЕТА) отчетливо свидетельствовали о расхождении между риторикой и практикой австрийских правых популистов.

Иначе выглядит ситуация в Соединенных Штатах, где сокращение безра-

ботицы и ряд протекционистских мер администрации Д. Трампа способствовали улучшению положения основной массы его избирателей – фермеров Среднего Запада, рабочих «ржавого пояса» и северо-восточных штатов. «Так, за 2018 г. занятость в промышленности увеличилась на 284 тыс. рабочих мест, и примерно три четверти этого прироста приходилось на производство товаров длительного пользования. Приведенные цифры могут служить хорошим индикатором того, что макроэкономическая политика Трампа, по-видимому, действительно способствует возвращению производственного бизнеса в США» [Веселовский, 2020, с. 266–267], – отмечает российский исследователь.

Как мы видим, модели взаимоотношений между популистскими партиями и рабочими могут носить различный характер. К числу факторов, оказывающих существенное влияние на них, можно отнести положение страны в мировой экономике¹⁷, исторические традиции, национальные особенности популистских движений.

Говоря о перспективах этого возникшего на обломках старого миропорядка альянса части рабочих и глашатаев национального популизма, необходимо все же признать, что несмотря на поражение Д. Трампа на президентских выборах осенью 2020 г., развал правящей коалиции в Австрии в 2019 г., а также общий спад популистской волны в США и Западной Европе, в ближайшее время он останется частью политического ландшафта. Экономический дисбаланс между регионами, делегализация производства и миграция вкупе с продолжающимся кри-

¹⁶ Формально законодательство сохраняло 8-часовой рабочий день в качестве нормы, однако допускало его увеличение до 12 часов при согласии сторон.

¹⁷ Для Соединенных Штатов с их огромным внутренним рынком политика протекционизма, безусловно, идет на пользу ряду отраслей промышленности, в то время как экономика многих европейских стран (ФРГ, Австрия, Нидерланды) очень сильно зависит от экспорта. Именно это обстоятельство во многом обусловило разный подход американских и европейских популистов в области экономики.

зисом левых партий создают благоприятную почву для этого парадоксально-го на первый взгляд союза¹⁸.

Список литературы

Блэр Э., Шрёдер Г. (1999). «Третий путь / новый центр» // За социальные права и политические свободы // <https://sd-inform.org/upload/books/Politologija/social-demokratija/Bler-Sreder.pdf>, дата обращения 14.03.2021.

Веселовский С.Я. (2020). Современный рынок труда в США и новации миграционной политики // Кузнецов А.В. (ред.). Феномен Трампа: монография. М.: ИНИОН. С. 253–280.

Лапина Н.Ю. (2020). Обретение и утрата американской мечты. Социально-экономические последствия глобализации и информационной революции // Кузнецов А.В. (ред.). Феномен Трампа: монография. М.: ИНИОН. С. 33–52.

Ле Пен М. (2016а). Во имя Франции. М.: Кучково поле.

Ле Пен М. (2016б). Сквозь враждебные волны. М.: Кучково поле.

Перегудов С. (1989). Западноевропейская социал-демократия: поиски обновения. М.: Наука.

Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.

Трамп Д. (2017). Былое величие Америки. М.: Эксмо.

Шрёдер Г. (2007). Решения. Моя жизнь в политике. М.: Европа.

Basham P. (2000). The “Third Way”: Marketing Mirage or Trojan Horse? // The Fraser Institute // <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/ThirdWay.pdf>, дата обращения 17.02.2021.

Carnes N., Lupu N. (2021). The White Working Class and the 2016 Election // *Perspectives on Politics*, vol. 19, no 1, pp. 55–72. DOI: 10.1017/S1537592720001267

Erben S.M., Bieling H.-J. (2020). Gewerkschaften und Rechtspopulismus. Erfahrungen und Lernprozesse aus Österreich, Schweden und den Niederlanden im Vergleich, Düsseldorf: Hans-Böckler-Stiftung, Study 440.

Eribon D. (2016). Rückkehr nach Reims, Berlin: Suhrkamp Verlag.

Fischer J. (1998). Für einen neuen Gesellschaftsvertrag. Eine politische Antwort auf die globale Revolution, Köln: Kiepenheuer u. W.

Hawranek D., Horning F., Jung A. (2004). Bye-bye “Made in Germany” (2004) // *Der Spiegel*, no. 44 // <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/32565436>, дата обращения 17.03.2021.

Krause A., Wilp M. (2018). Die Stimme der Unzufriedenheit: die Partij voor de Vrijheid // Eine zersplitterte Landschaft Beiträge zur Geschichte und Gegenwart niederländischer politischer Parteien (Hrsg. Wielenga F., van Baalen C., Wilp M.), Amsterdam: Amsterdam University Press.

Le Bras H., Warnant A. (2020). Ungleiches Frankreich. Radiografie der sozio-ökonomischen und regionalen Disparitäten, Paris: Friedrich – Ebert – Stiftung.

Lorenzen J.-M., Neumann D., Seehaus A., Trappmann V. (2020). Rechtspopulismus und Lebenslagen: Das junge Prekariat und die AfD // *Arbeiterbewegung von rechts?* (Hrsg. Becker K., Dörre K., Reif-Spirek P.), Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.

Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur National-

18 Безусловно, и левые партии, и представители политического истеблишмента осознают причины роста популярности праворадикальных партий. Однако до сих пор не была выработана комплексная стратегия противодействия несистемным силам. Исключением может считаться предложенный Э. Макроном план реиндустриализации Франции, который должен способствовать возрождению национальной промышленности. Реализация подобной политики способствовала бы сглаживанию социальных противоречий и лишила бы «Национальное объединение» поддержки со стороны рабочих.

ratswahl 2017 (2017) // FPÖ 2017 // https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf, дата обращения 14.02.2021.

Rouban L. (2019). Les cadres et les ouvriers dans le “nouveau monde” // Histoire d’une révolution électorale (2015–2018) (eds. Cautrès B., Muxel A.), Paris: Classiques Garnier, pp. 219–232.

Russel Hochschild A. (2017). Fremd in ihrem Land: Eine Reise ins Herz der

amerikanischen Rechten, Frankfurt/New York: Campus Verlag.

Wahlanalyse Nationalratswahl 2017 (2017) // Institut für Strategieanalyse. Wien // <https://strategieanalysen.at/wp-content/uploads/2017/10/ISA-SORA-Wahlanalyse-NRW2017-2.pdf>, дата обращения 11.02.2021.

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-12

Chained Together: National Populism and the Working Class in the Era of Globalization

Andrey V. BELINSKIY

PhD in Politics, Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2825-403X

CITATION: Belinskiy A.V. (2021). Chained Together: National Populism and the Working Class in the Era of Globalization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 202–218 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-12

Received: 06.04.2021.

ABSTRACT. *One of the paradoxes of our full of controversies and drastic changes era was the union formed by national populists and a certain group of workers who just a few decades ago had been stalwart proponents of left-wing parties. Workers were the ones who secured Donald Trump's victory in the 2016 presidential elections and also were responsible for the rise of such populist parties as the National Rally (formerly, the National Front) and the Freedom Party of Austria in Europe. This paper is an attempt to analyze the reasons behind this alliance, the nature of relationships between workers and far-right populists and the prospects of cooperation in the future. In particular, there is an indication that the negative effects of globalization (delocation of production, increasing social inequality, and etc.), an actual switch by social democratic and center-left parties to neoliberalist views and an active utilization of social rhetoric by the "new right" politics have caused a certain part of workers to join their ranks. However, having secured the power, these national*

populist parties and politics mostly carried out reforms that favored the interests of business rather than those of ordinary voters. At the same time, a conclusion is drawn that the alliance between far-right populist parties and workers will continue in the near future. Both the crisis amidst "old" left-wing parties and social and economic problems will contribute to this effect.

KEYWORDS: *working class, national populism, Donald Trump, National Rally, Freedom Party of Austria, globalization.*

References

Basham P. (2000). The "Third Way": Marketing Mirage or Trojan Horse? *The Fraser Institute*. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/ThirdWay.pdf>, accessed 17.02.2021.

Blair A., Schroeder G. (1999). The Third Way. *For Social Rights and Political Freedoms*. Available at: <https://sd-inform.org/>

upload/books/Politologija/social-demokratija/Bler-Sreder.pdf, accessed 14.03.2021 (in Russian).

Carnes N., Lupu N. (2021). The White Working Class and the 2016 Election. *Perspectives on Politics*, vol. 19, no 1, pp. 55–72. DOI: 10.1017/S1537592720001267

Erben S.M., Bieling H.-J. (2020). *Gewerkschaften und Rechtspopulismus. Erfahrungen und Lernprozesse aus Österreich, Schweden und den Niederlanden im Vergleich*, Düsseldorf: Hans-Böckler-Stiftung, Study 440.

Eribon D. (2016). *Rückkehr nach Reims*, Berlin: Suhrkamp Verlag.

Fischer J. (1998). *Für einen neuen Gesellschaftsvertrag. Eine politische Antwort auf die globale Revolution*, Köln: Kiepenheuer u. W.

Hawranek D., Horning F., Jung A. (2004). Bye-bye “Made in Germany” (2004). *Der Spiegel*, No. 44. Available at: <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/32565436>, accessed 17.03.2021.

Krause A., Wilp M. (2018). Die Stimme der Unzufriedenheit: die Partij voor de Vrijheid. *Eine zersplitterte Landschaft Beiträge zur Geschichte und Gegenwart niederländischer politischer Parteien* (Hrsg. Wielenga F., van Baalen C., Wilp M.), Amsterdam: Amsterdam University Press.

Lapina N.Yu. (2020). The Rise and Fall of the American Dream. Socio-economic Consequences of Globalization and Information Revolution. *The Trump Phenomenon: A Monograph* (ed. Kuznetsov A.V.), Moscow: INION, pp. 33–52 (in Russian).

Le Bras H., Warnant A. (2020). *Ungleiches Frankreich. Radiografie der sozioökonomischen und regionalen Disparitäten*, Paris: Friedrich – Ebert – Stiftung.

Le Pen M. (2016a). *Pour que vive la France*, Moscow: Kuchkovo Pole (in Russian).

Le Pen M. (2016b). *A contre flots*, Moscow: Kuchkovo Pole (in Russian).

Lorenzen J.-M., Neumann D., Seehaus A., Trappmann V. (2020). Rechtspopulismus und Lebenslagen: Das junge Prekariat und die AfD. *Arbeiterbewegung von rechts?* (Hrsg. Becker K., Dörre K., Reif-Spirek P.), Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.

Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 (2017). FPÖ 2017. Available at: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf, accessed 14.02.2021.

Peregudov S. (1989). *Western European Social Democracy: the Search for Renewal*, Moscow: Nauka (in Russian).

Piketty T. (2015). *Capital in the Twenty-First Century*, Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Rouban L. (2019). Les cadres et les ouvriers dans le “nouveau monde”. *Histoire d’une révolution électorale (2015–2018)* (eds. Cautrès B., Muxel A.), Paris: Classiques Garnier, pp. 219–232.

Russel Hochschild A. (2017). *Fremd in ihrem Land: Eine Reise ins Herz der amerikanischen Rechten*, Frankfurt/New York: Campus Verlag.

Schroeder G. (2007). *Decisions. My Life in Politics*, Moscow: Europa (in Russian).

Trump D. (2017). *Time to Get Tough*, Moscow: Eksmo (in Russian).

Veselovskiy S.Ya. (2020). The Modern Labor Market in the USA and Novelities in the Migration Policy. *The Trump Phenomenon: A Monograph* (ed. Kuznetsov A.V.), Moscow: INION, pp. 253–280 (in Russian).

Wahlanalyse Nationalratswahl 2017 (2017). *Institut für Strategieanalyse. Wien*. Available at: <https://strategieanalysen.at/wp-content/uploads/2017/10/ISA-SORA-Wahlanalyse-NRW2017-2.pdf>, accessed 11.02.2021.